

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ОТЦЫ И ДЕТИ В “НАКАНУНЕ”

(К 150-летию выхода романа И. С. Тургенева)

По большому счету проза зрелого Тургенева, с ее горечью и иллюзиями, читаемая современниками взахлеб, началась с “Накануне” – романа о том, что “наступили новые времена, нужны новые люди”.

Нельзя сказать, что в советские годы литературоведение недостаточно говорило об этом романе. Нет, писали много и охотно, провозглашая главным героем произведения, скажем так, о тенденциях русской жизни того времени... болгарина Инсарова. Человек сильного характера и целеустремленности, разночинец-демократ, студент, оказавшийся в России и стремящийся вернуться на родину с освободительной миссией, он чрезвычайно устраивал историков литературы, доказывающих прямую связь между автором романа и развитием демократического движения.

Что касается самого Тургенева, то Инсаров вполне соответствовал мысли писателя “о необходимости сознательно-героических натур... для того, чтобы дело подвинулось вперед”. И не более того.

Будучи по натуре человеком деликатным, постоянно сомневающимся в себе, Тургенев вообще-то имел намерение предложить читателям в качестве главной героини Елену Стахову, представлявшуюся ему новым типом в русской жизни. Но ей, признавался писатель, “недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ее еще смутном, хотя сильном стремлении к свободе, могла предаться”.

Ему, убежденному “западнику”, все же казалось, что русская ментальность героини накладывала на нее печать необходимости иметь рядом с собой мужское плечо, к которому она должна прислониться. И писатель помог ей это плечо обнаружить.

Впрочем, это только на первый взгляд кажется, что Елена ищет мужское плечо, к которому прислониться. А на самом деле, укажет вам какой-нибудь доктор филологических наук, ее выбор другой: она голосует сердцем, “решая вопрос о том, какие люди нужны России”. Четыре кандидата: Шубин, Берсенев, Курнатовский, Инсаров. Чем не прообраз современных президентских выборов?

Но шутки в сторону, вернемся к тургеневскому роману. Шубин традиционно считается – беспечный, эстетствующий художник, талант которого уходит на бесцельные, никому не нужные, оторванные от жизни произведения.

Начинающий ученый Берсенев обычно преподносится как благородный человек, убежденный в том, что он трудится на благо родины, но дело его тоже оторвано от действительных, насущных потребностей народной жизни.

Но самым непривлекательным в этой компании оказывается делец Курнатовский. Вообще-то он служит обер-секретарем при Сенате. Чиновник, но о

нем говорят, что он знает толк в коммерческих предприятиях и “чуть было не бросил своей службы, чтобы взять в руки большую фабрику”. Уже одного этого вполне достаточно. Как всегда – распространённое среди российских интеллигентов мнение – Чичиковым и Штольцам не место не только на российской земле, но и в сердце прекрасной девушки. Не поразительно ли! В романе говорится, что ей некому протянуть руку: кто подходит к ней, того не надобно; а кого хотела бы... тот идет мимо. Но литературоведам, ориентированным на оценки, предначертанные самим Добролюбовым, не до сантиментов: чиновник-коммерсант нам не нужен! – не наш человек!

Всех милее и краше для Елены, глядящей на мир через призму тургеневских симпатий, стал студент Инсаров. Во-первых, разночинец-демократ (тем самым писатель обозначает свое видение новой политической проблемы – общественной роли и значения разночинной демократической интеллигенции). Во-вторых, студент (будущее России за образованными “детьми”, как бы говорит автор романа). В-третьих, патриот, несущий в себе идею героического служения родине (общественный прогресс все же видится Тургеневу за Дон-Кихотами). В-четвертых, избрание в качестве героя романа болгарина позволило писателю осветить злободневную тему отношения угнетенных славянских народов к России (напомню: это время, когда в связи с Крымской войной на Балканах наметился подъем национально-освободительного движения порабощенных Турцией славянских народов, надеявшихся на поддержку России).

Что же касается новой жизни, начинавшейся тогда в России, она видится автору “Накануне” если не безоблачной, то во всяком случае романтической. Романтика будущего России – придет время, и мы узнаем – будет спокойно уживаться с кровью студента Иванова, убитого Сергеем Нечаевым, и Александра II, взорванного народовольцами, Николая II, расстрелянного большевиками, и миллионов людей, сгинувших в водовороте гражданской войны, репрессий, коллективизации, рассказывания, борьбы с инакомыслием... Но это знание придет потом. А пока мы выбираем, чем хорош и чем плох каждый из претендентов на руку и сердце Елены.

Вот Шубин полулеживо, полушутливо подкалывает Берсенева: *“Отчего ты не лежишь, как я, на груди?.. Так гораздо лучше. Особенно когда поднимешь ноги и стучишь каблуками дружку о дружку – вот так. Трава под носом: надоест глазеть на пейзаж – смотри на какую-нибудь пузатую козявку, как она ползет по былинке, или на муравья, как он суетится. Право, так лучше. <...> Отдохните, сэр; перестаньте напрягаться, раскиньте свои члены!.. Меня больше всего поражает в муравьях, жуках и других господах насекомых их удивительная серьезность; бегают назад и вперед с такими важными физиономиями, точно и их жизнь что-то значит! Помилуйте, человек, царь создання, существо высшее, на них взирает, а им и дела до него нет; еще, пожалуй, иной комар сядет на нос царю создания и станет употреблять его себе в пищу. Это обидно. А с другой стороны, чем их жизнь хуже нашей жизни? И отчего же им не важничать, если мы позволяем себе важничать? Ну-ка, философ, разреши мне эту задачу! Что ж ты молчишь? А?”*

И впрямь, слушая сей монолог, если выбирать того, кто может наполнить содержанием жизнь, кто способен удовлетворить женскую требовательную душу, – это одно. А если выбирать того, кто соответствует тенденции русской жизни, – совсем другое.

Потому как тенденция определена заранее – революция. Перед которой и поля, горячо блестящие на солнце, и маленькие гроздьи желтых цветов на ветках липы, чей сладкий запах с каждым дыханием втесняется в самую глубь груди, и прекрасная музыка, и женская красота, и великое слово “любовь”, – всё ничто.

А раз так, то ни Шубин с его душой, обращенной к природе, этой тенденции никак не соответствует. Ни Берсенева с его совестливой стеснительностью и непотерянной способностью краснеть тоже не соответствует. Жажда любви, жажда счастья, которые соединяют, движет ими обоими. И в этом писатель вместе со своими героями видит мудрость простой, естественной жизни. При которой и другие прекрасные слова, обратите внимание на них в тексте романа: “искусство”, “родина”, “наука”, “свобода”, “справедливость”, – такие же соединяющие слова.

Но соответствует ли заявленной тенденции русской жизни такое восприятие слов тургеневскими героями? Или энергия революционной одержимости

формирует иные взгляды на искусство, родину, науку, тем более свободу и справедливость? Роман Тургенева, как известно, был назван так по времени его создания – *накануне* последнего года перед освобождением крестьян, *накануне* реформ Александра II. Но по выходе романа в свет его название стало читаться куда радикальнее – *накануне революции*.

Сегодня мы можем подумать, что перед нами известный национальный феномен: русский человек везде хочет слушать эзопов язык. Оно и понятно, когда нет свободы, кругом ищешь проявления инакомыслия. Ищешь, чтобы в своем согласии с ним почувствовать собственную смелость. И, конечно, находишь. Однако в то время, полагаю, дело обстояло несколько иначе. Пять лет, минувших после революционных событий во Франции, в столь близкой, почти родной для дворянства стране, незаметно пробудили среди части российской молодежи не свойственную ранее бескомпромиссность.

В подтверждение своих слов сошлусь на строки Тургенева, посвященные Елене Стаховой: *“Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала “во веки веков”; требования ее ни перед чем не отступали, самые молитвы не раз мешались с укором. Стоило человеку потерять ее уважение, – а суд произносила она скоро, часто слишком скоро, – и уж он переставал существовать для нее. Все впечатления резко ложились в ее душу; не легко давалась ей жизнь”*.

Конечно, можно спорить, что одна бескомпромиссность еще ни о чем не говорит. Но тут же рядом нахожу авторское объяснение состояния Елены: *“Ей недавно минул двадцатый год... Она росла очень странно; сперва обожала отца, потом страстно привязалась к матери и охладела к обоим, особенно к отцу. В последнее время она обходилась с матерью, как с больною бабушкой; а отец, который гордился ею, пока она слыла за необыкновенного ребенка, стал ее бояться, когда она выросла, и говорил о ней, что она какая-то восторженная республиканка, Бог знает в кого!”*

Слово-ключ – “республиканка”, – как видим, писателем произнесено. Оно не просто обозначает понятие, соотносимое с республиканскими взглядами. Оно прежде всего подтверждает очевидность факта, что возникла некая живая взаимосвязь русских людей с чужой революцией, и на нашей земле появились, можно сказать, ее отпрыски, так называемые “дети свободы”.

Было ли республиканцами все поколение “детей”? Конечно, нет. Их было не так много, но они были. И были, бросалось в глаза, *какими-то не такими*. Люди нового типа, нигилисты, демократы, революционные демократы, революционеры, бомбисты, боевики – как их только не называли. Среди них, признаем, были не одни разночинцы, но и выходцы из дворянских семей.

Их не могли понять ни “деды”, умевшие желчно шутить и помнившие, как в свое время ежжили “к фармазонам в клуб”, ни “отцы”, готовые подвергать насмешке всё и вся, и в молодости, начиная с 25-го числа каждого месяца, спрашивавшие в кофейнях, получен ли свежий номер “Отечественных записок”.

“Отцы”, взрослевшие ранее 1848 года, глядели на странную молодежь с испугом, но утешали себя спасительной мыслью, что та рано или поздно переберется, и жизнь войдет в свою обычную колею. Оно и понятно: без веры в то, что всё обойдется и будет хорошо, на Руси долго не проживешь. Потому у нас любой футуристический прогноз (взгляд в будущее) непременно оптимистичен. Мол, за облаками всегда есть солнце, завтра оно выглянет и наступит желанное светлое будущее. Это тоже национальная черта.

Тургеневское время – по политическому раскладу, по ожиданиям и настроениям, по совершаемым шагам очень напоминающее наши дни, – период, когда Россия выбирала свой дальнейший путь. В очередной раз, по выражению П. Чаадаева, странный, из тех, что с вектором движения вкривь и вбок. Период, для большинства россиян соединивший в себе, с одной стороны, ожидание реформ и страхи, что реформы могут спровоцировать беспорядки и, хуже того, революцию, с другой – нерешительность и беспощадность власти.

Время под стать смуте. Сколько здесь происков и зависти, сколько безмерной веры в свое предназначение и ненависти к другому, если он наделен тем, чего лишен ты. Сколько тут страхов, что всё отымут и тогда на что жить? и надежд, что наступит блаженный миг, когда явит себя справедливость и каждый получит причитающуюся всем равную долю счастья. Причем в вечно выдвигаемом на первый план противостоянии дворян и разночинцев, смею

утверждать, дает о себе знать не просто социальное, а глубоко обосновавшееся психологическое неприятие.

Известные слова “Когда народ плачет, желябовы смеются” еще не прозвучали, но вместе с тем нельзя не видеть, что в пору, когда и впрямь “безумных развелось людей, и дел, и мнений”, обществу предстояло как-то осмыслить устремления, мировосприятие, характер, принципиальные позиции новой российской вольнолюбивом поросли.

И Инсаров, и Елена, уверяло советское литературоведение, “движимы высоким чувством патриотизма. Именно оно прежде всего и заставило их откликнуться на общественную потребность живого дела”. Подобное утверждение заставляет нас сделать логический вывод, что, если патриотизм свойственен Инсарову и Елене, он, получается, отсутствует у тех, кто не является их сторонниками.

Другими словами, Шубин и Берсенев – никакие не патриоты (а на Руси, как известно, этот приговор обжалованию не подлежит), потому что в своей нежной любви к природе и жизни они подчинены неким личным интересам. А вот помыслы Инсарова и Елены направлены к общественной цели – освободить свою родину. Один – от турецкого ига, другая – от ига крепостничества и ига самодержавия.

В этом устремлении Инсаров, хочу обратить ваше внимание, “находит в себе силы побороть желание отомстить за смерть родителей, за поруганную честь семьи, ибо месть эта может помешать общему делу борьбы”. Ради чего отказывается он от мести за поруганную честь семьи? Ради величия и благородства идеи “народного, общего отмщения”.

Тогда, в день, с которого началось тургеневское повествование, Елена, еще до знакомства с Инсаровым, много думала о Берсеневе. Он ей нравился; она верила теплоте его чувств, чистоте его намерений. Неудивительно, что, вспоминая его несмелые глаза, его улыбки, она, несмотря на все свои условия не поддаться нахлынувшему на нее чувству, заплачет “какими-то странными, недоумевающими, но жгучими слезами”.

Задержим свой взгляд на этих слезах. Хотя перевернуто всего страниц двадцать произведения, повествующего, напомню, о наступлении новых времен и о новых людях, они, слезы, уже не первые в романе. К тому же не последние.

Чуть раньше, когда Шубин с Берсенывым после философствования в тишине полуденного зноя – о чем еще можно говорить в этом возрасте? – конечно же, о великой любви и о жажде счастья, – к ночи переводят разговор на чисто практические рельсы: кого же из них любит Елена? Оба убеждены, что та отдала предпочтение не ему лично, а приятелю.

И чем оборачивается эта уверенность? Сначала “Шубин вдруг заплакал, отошел в сторону, присел на землю и схватил себя за волосы”. Потому Берсенев, как истинный дворянин, присел к фортепьяно, более часа не отходил от него, “много раз повторяя одни и те же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенных септимах. Сердце в нем ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами”.

Прекраснобаи, слезливые до умопомрачения, прикрывающиеся либеральной фразеологией о гордости *класса среднего русского дворянства*, – ясно, им не быть ни избранныками прекрасной Елены, ни “новыми людьми”. У Гамлетов, вслед за Тургеневым скажем мы, на русской земле нет перспектив. Кажется, это понятно всем, кроме российских Байронов: Чацких, Онегиных, Печориных, Обломовых, Маниловых, Болконских. Правда, их, таких, в России легион и совсем даже не малочисленный.

Доведись им делать выбор: с кем быть, они пошумят-пошумят и примкнут даже не к Анне Васильевне и Николаю Артемьевичу Стаховым, а к троюродному дяде отца Елены, Увару Ивановичу Стахову, отставному корнету лет шестидесяти, который, если присмотреться, напомнит нам милого Манилова. Он тоже никоим образом не почитал за грех мечтать. И так же, как герой Николая Гоголя, “он ничего не делал и навряд ли думал, а если и думал, так берег свои думы про себя”. В затруднительных случаях, то есть всякий раз, когда ему приходилось выразить какое-либо мнение, он судорожно двигал пальцами правой руки по воздуху, сперва от большого пальца к мизинцу, потом от мизинца к большому пальцу, с трудом приговаривая: “Надо бы... как-нибудь, того...”

Милейший человек, умеющий и смотреть сосредоточенно, с усиленным вниманием то на рюмку водки, то в окно, то на пол и стены, и почивать в мезонине на широко и удобном диване, получившем прозвище “Самсон”. (Вам Увар Иванович никого больше не напоминает?) Ну, как к такому не присоединиться, заслышав, к примеру, одно лишь жуткое слово “реформа”?

Да что там “реформа”, достаточно Анне Васильевне Стаховой ужаснуться: как Шубин может манкировать Николаем Артемьевичем, своим благодетелем? — и сразу: “Я готов извиниться перед вами, Николай Артемьевич, — проговорил он с учтивым полупоклоном, — если я вас точно чем-нибудь обидел”. Ну, прямо-таки душка Молчалин изволил пробудиться.

Ему под стать и Берсенева, 23-летний старец, про отца которого автор романа поведает: “...он был постоянно подавлен ходом истории, всякого рода вопросами и соображениями”. Еще добавит: “...он был мечтатель, книжник, мистик...” — чисто российский винегрет. И в качестве последнего штриха упомянет, что к тому же Берсенева-старший был автором сочинения, “в котором шеллингианизм, сведенборгианизм и республиканизм смешались самым оригинальным образом”. Кстати, это не помешало (а может, помогло?) ему, владельцу восьмидесяти двух душ, перед смертью освободить их. Примечательно, саму смерть отца писатель напрямую свяжет с событиями 48-го года, которые “потрясли его до основания”.

Спрóсите, зачем столь подробно Тургенев распространяется об отце Берсенева? Затем, чтобы было ясно: яблочко от яблони недалеко падает. В Андрее Берсенева тоже понамышано многое и разное. Однако далеко не скверного качества. Нельзя было не признать в нем, читаем в романе, “хорошо воспитанного человека; отпечаток “порядочности” замечался во всем его неуклюжем существе”. Он умница, философ, третий кандидат Московского университета.

Между прочим, именно он знакомит Елену с Инсаровым. Правда, мотив, по которому он это сделает, содержит, представляется мне, по меньшей мере, большую долю авторской иронии. “Русский человек любит потчевать — коли ничем иным, так своими знакомыми”, — заметит в скобках Тургенев.

В отличие от них Дмитрий Никанорыч Инсаров — человек непреклонной воли, или, как скажет Берсенева, железный человек. Железо, как известно, не переносит влаги, потому ни о каких слезах тут и речи быть не может. Российской слезливости тут и на дух нет. И еще, что бросалось всем в глаза, Инсаров никогда не менял никакого своего решения, точно так же как никогда не откладывал исполнения данного обещания.

Понятно, что подобные качества, отличающиеся от присущих почти каждому русскому семи пятниц на неделе, резко выделяли его. Берсенева, “как коренному русскому человеку, эта более чем немецкая аккуратность сначала казалась несколько дикою”. Оно и понятно, мы к этой самой аккуратности сызмальства не приучены.

Надо признать, по сей день мы с превеликим удовольствием обращаем внимание школьников и студентов на главные, с нашей точки зрения, слова об Инсарове, сказанные сначала Берсеневым: “У него одна мысль: освобождение его родины”, потом Еленой: “Освободить свою родину! — промолвила она. — Эти слова даже выговорить страшно, так они велики...”

Еще бы — как я смог прочитать, взяв дочкин школьный учебник для 10-го класса, — ведь “Елена олицетворяла молодую Россию, охваченную жаждой перемен... И когда Елена отдала свою любовь революционеру, это воспринималось как ответ на возникавший у читателя вопрос: какой тип деятеля наиболее привлекателен для современной русской молодежи”.

Я сейчас даже не о том, что школьникам предлагают познакомиться с ответом, привлекательным для времен пусть не очаковских и не покоренья Крыма, а куда ближе: 60-х годов XIX века. И даже не о том, что без должного комментария остается позиция Н. Добролюбова, в статье которого, информирует учебник, “речь шла о предстоящей борьбе с “внутренними турками”, а в число последних попали у Добролюбова не только крепостники-реакционеры, но и сторонники либеральных реформ”.

Я всего лишь о том, что при изучении в школе романа “Накануне” мы все не задаемся вопросом: а какой тип деятеля наиболее привлекателен для нынешней молодежи, сидящей перед нами за школьными партами. Или мы полагаем, что ее по-прежнему должен привлекать образ железного революционера-ниспровергателя? И наоборот, нас, получается, ничуть не интересу-

ет тема человека, успешного в делах, никогда не меняющего своих решений и не откладывающего исполнения данного обещания.

А действительно, почему он должен нас интересовать? зачем? Тип, и впрямь, не самый распространенный в российском обществе. Может, и не нужен он вовсе? Мы, если надо, и без него до основания все разрушим железной рукой (нам не привыкать!), а затем... Во всяком случае именно так преподносится в школах на уроках литературы. В полном соответствии с учебной программой. А как иначе?

Иначе у Тургенева. Читая “Накануне”, убеждаешься, что смерть Инсарова в пути на родину не сюжетный ход писателя (вернее, не только сюжетный ход), отражающий объективные финалы судеб того времени: дуэльная пуля, чухотка, ссылка. Смерть Инсарова – она и предостережение, смутное ощущение писателя, что жизнь, самая трагическая и тяжкая, все же лучше и умнее любого умного заговора, восстания или революции. Потому что свободу, равенство, братство, а вместе с ними счастье чужую кровь не покупают. Если уж безмерно тяжела и значима, как знают все, слезинка ребенка, то сколько “тянет” на весах истории капля крови? Но ведь, опять же знают все, одной каплей ни одна революция не обходится – льются реки крови.

А вот Елена, которой сам писатель, казалось бы, уготовил роль женщины, ищущей мужское плечо, чтобы к нему прислониться, Елена, рожденная новой эпохой и с детства жаждущая деятельного добра, совсем не такова. Ее светлая и чистая любовь менее всего готовит среду, в которой началось то, что Николай Добролюбов называет “делом” (можно встретить и такое). Ее любовь, следуя ощущениям автора, предсказывает торжество не железных людей с непреклонной волей, а самых что ни на есть живых и светлых личностей и торжество высокочеловеческих отношений.

Инсаров, надо признать, четко сознает, как *нельзя* жить. Елена по-женски мудро понимает, как *надо* жить. Он говорит, что “жизнь дело грубое”, он спокоен, он предчувствует войну и радуется ей. Она не может понять: к чему эта злоба, эти дрожащие губы, этот яд к глазам? Ей почему-то жутко, и Бога благодарить хочется, и слезы недалеко. Она влюблена.

Они оба за свободу, равенство, братство, которые несут счастье. Только он готов добиваться его любой ценой, потому что речь идет о счастье родины. Для нее же счастье (куда делись “следы настоящей стаховской крови”?) – это когда “я” равен другим, а не другие равны мне; когда ты мне брат, но это не значит, что я твой “старший брат”; когда свобода и счастье – понятия не личные, но и не размыто-всеобщие.

Внимательный читатель легко разглядит в этой 20-летней девушке и знакомое по героиням Пушкина и Л. Толстого томление: “Как жить без любви? а любить некого!” и услышит по тем временам совсем не женские вопросы, обращенные к самой себе: “К чему молодость, к чему я живу, зачем у меня душа, зачем всё это?” Мы их обычно связываем с нравственными поисками Пьера и князя Андрея, а тут, что делать, мучительные метания души одной из “тургеневских девушек”, желающей знать: “Чего мне хочется? Отчего у меня так тяжело на сердце, так томно? Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда. И не грешно ли это желание?”

Как этот внутренний монолог, отраженный в дневниковых записях Елены, созвучен диалогу Пьера и князя Андрея: делать добро или не делать зла?

Перечитайте дневник – ведь в нем тургеневская девушка, предвосхищая спор толстовских героев, дает свой вариант ответа, пусть и в форме вопроса: “Нельзя быть мужчиной, бойцом, и остаться кротким и мягким?”

В России, понимает писатель, иные люди, иные проблемы. Россия не Болгария, поработенная турками. Необходимость борьбы с “внутренними турками”, тема, обязательно присутствующая в школьном анализе романа “Накануне”, самому Тургеневу в голову не приходила и не могла прийти.

Питал ли Тургенев надежды на реформы “сверху”? Возможно. Но точно можно сказать, что сторонником революционных реформ он никак не был. Притянут за уши к революции Инсаров был не им, а Н. Добролюбовым. В романе писателя речь идет о человеке, мечтающем о Болгарии без турецкого ига, стороннике освободительного, но никак не революционного движения.

А что ж Елена? Как в знаменитом эпизоде, где она, взяв инициативу в свои руки, объясняется Инсарову в любви, ее мысли об одном: “Он тут, он любит...”

чего ж еще?”, так и в последние дни жизни заболевшего мужа она “чувствовала себя глубоко счастливою” – Инсарову было гораздо лучше в тот день.

Так о чем роман – о страсти, пламенной и нежной, или о герое, воплотившем авторский (либо общественный) идеал общественного деятеля? Сегодня учитель на уроке привычно избирает второй вариант. В полном соответствии с учебной программой. А как иначе?

Хотя иначе подходил к творчеству Тургенева даже такой вроде бы “заинтересованный” человек, как П. Кропоткин. Князь, революционер, теоретик анархизма, в свободное от политической борьбы время географ и геолог, он в своих воспоминаниях “Записки революционера” оказался, на мой взгляд, куда пронизательней литературного критика Добролюбова, заметив: “Тургенев... показал нам, что такое русская женщина, какие сокровища таятся в ее сердце и уме, и чем она может быть, как вдохновительница мужчины”. Как видим, ни слова про идеал.

А ведь в его “политическом преискуранте” цена понятий “идеал” и “идея” была куда как высока. Кто-то, а он слыл ревностным служителем идеи. Был из тех, кто ставил ее выше и Бога, и царя, и народа, и истины.

Вот и хочу я спросить: раз уж учителя в этой ситуации, как судьи, рассматривающие споры “хозяйствующих субъектов”, привычно всем иным предпочитают “революционную” точку зрения, может, им все же прислушаться к мнению профессионального ниспровергателя?

Безусловно, наши дети, не на Луне родившиеся, давно поняли, что в жизни правда одна не ходит. Ее как минимум – две. Или три. Чаще всего, конечно, пять... Потому как нормальные российские дети. И только на школьном уроке литературы правда по-прежнему одна – революционная. Одна на всех – помните? – мы за ценой не постоим. Как долго?